

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переводъ Иліады, начатый Гнѣдичемъ въ 1809 г. и оконченный имъ двадцать лѣтъ спустя, былъ многими найденъ устарѣвшимъ при самомъ своемъ появленіи. Въ томъ-же 1829 г., когда вышло въ свѣтъ первое изданіе этого перевода, Жуковскій помѣстилъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» нѣсколько отрывковъ изъ Иліады, написанныхъ болѣе современнымъ языкомъ, а черезъ пятнадцать лѣтъ, окончивъ съ Одиссеей, онъ приступилъ къ новому полному переводу Иліады, но успѣлъ перевести только первую пѣсню и каталогъ судовъ изъ второй.

Такое быстрое обветшаніе перевода Гнѣдича объясняется тѣмъ, что въ двадцать лѣтъ, употребленныхъ имъ на окончаніе своего труда, русскій языкъ пережилъ благотворный кризисъ и переродился. Въ началѣ этой эпохи еще существовали двѣ литературныя партіи—защитниковъ стараго и новаго слога. Вооруженные знаніемъ, руководимые болѣе инстинктомъ, нежели эстетическимъ вкусомъ, сторонники Шишкова и Карамзина оцущью пробирались среди лабиринта славянскихъ и русскихъ словъ, отдавая предпочтеніе тѣмъ или другимъ. Но пришелъ Пушкинъ, на русскую литературную рѣчь впервые упалъ лучъ вдохновенія,—и долгій споръ самъ собою прекратился, все стало очевиднымъ и несомнѣннымъ. Всѣ недостатки работы Гнѣдича объясняются тѣмъ, что онъ приступилъ къ переводу Иліады до появленія Пушкина.

Можно еще мириться съ чисто славянскими выраженіями, (вродѣ наглезны, воспящать, скимны, скраніи, сулица, мескъ, плесницы, пруги),—и смотрѣть на нихъ, какъ на иностранныя слова, нуждающіяся въ переводѣ. Гораздо болѣе портятъ языкъ Гнѣдича слова и обороты полуславянскіе (власатыя перси; туковъ воня; спнулъ фаланги; обѣтуя стотельчія жертвы; пынное швеніе; огонный тре-